

С.А. Фомичев

Легенды о Грибоедове

Специальных мемуарных очерков о Грибоедове крайне мало, это во многом объяснялось невозможностью в условиях николаевского царствования, да и некоторое время после него, опубликовать откровенные воспоминания как о связях автора «Горя от ума» с кругом декабристов, так и о гибели его на посту дипломата в результате политической интриги, объективное расследование которой не входило в намерения царского правительства. Вместе с тем яркая личность Грибоедова не могла не останавливать внимания людей, встречавшихся с ним, и породить легендарные слухи. Это, в свою очередь, закрепило за автором «Горя от ума» репутацию «загадочной личности». Вот, к примеру, рядовое представление о Грибоедове одной из его почитательниц. Е.С. Вебер-Хирьякова писала в 1929 году:

«Грибоедов-человек скрыт от читателя. Душа его не познается по “Горю от ума” Мы, вслед за Пушкиным, не можем не признать по комедии, что Грибоедов очень умный человек, мы знаем, что он наблюдателен, тонок, остер и меток, но для нас остается скрытым его “меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки”. Глубокая нежность, способность к действенной любви, жажда такой любви не могут быть ни почувствованы, ни угаданы в строках бессмертной картины нравов. Грибоедов не мог и не хотел обнажать свою душу <...>. Он писал мало. Это тоже одно из свойств его, одна из загадок психологии творчества. При огромной и яркой работе поэтической мысли невозможность писать была мукой Грибоедова».

«Писал мало»... «Автор одного произведения»... Такая устоявшаяся точка зрения в принципе неверна. Когда в кочевой, наполненной служебными заботами жизни Грибоедова выпадали исключительно редкие спокойные периоды (1816–1818, 1823–1825), он писал вовсе не мало. Традиционно «загадочной» казалась вся эта жизнь, хотя основные ее биографические вехи вполне обозримы. Однако внимание невольно приковывали три не вполне ясных момента его судьбы: «тайна рождения», «очистительный аттестат», выданный Грибоедову по делу о тайных обществах, и трагическая гибель в расцвете сил. С этими обстоятельствами и связаны основные легенды о Грибоедове, по сию пору активно обсуждаемые.

Год рождения

В разных документах Грибоедова и разными мемуаристами годом его рождения наряду с 1795 назывался и 1794, и 1793, и 1790. Рассмотрим степень обоснованности каждой из этих дат.

1795. Согласно исповедным книгам московской церкви Девяти мучеников, возраст Александра Грибоедова в 1805 году указывается 10 лет, в 1807 — 12 лет, в 1810 — 15 лет. В формулярном списке Грибоедова за 1813 год (первом по времени из известных нам) указывается также возраст «18 лет». Наконец, тот же год обозначен на надгробном памятнике драматурга, установленном после долгих хлопот его вдовой, причем по вопросу о дате рождения она переписывалась с матерью и сестрой Грибоедова, которые, понятно, лучше всех знали его год рождения». На 1795 годе рождения настаивал и ближайший друг драматурга С.Н. Бегичев, написавший в 1854 году биографическую записку, а двумя десятилетиями раньше возражавший на биографическую статью о Грибоедове, подготовленную для словаря Плюшара: Грибоедов «родился 795-го, а не 793-го года».

1794. В «Списке о службе и достоинстве штаб и обер-офицеров Иркутского полка», подававшемся при рапортах в Инспекторский департамент Военного министерства дважды в год (1 января и 1 июля), корнету Александру Грибоедову числится соответственно: 1 января 1814 — 20 лет; 1 июля 1814 — 20 лет; 1 января 1815 — 21 год. Учитывая

дату рождения Грибоедова (4 января), показания от 1 января 1814 и 1815 несомненно следует оценить в пользу 1794 как года его рождения. Тот же возраст определяется в «паспорте», выданном Грибоедову 8 мая 1816 года по оставлении им военной службы: «отроду 22 года».

1793 и 1792. Хорошо осведомленный о жизни Грибоедова Булгарин свидетельствовал в 1830 году: «Грибоедов родился около 1793 г.». Тот же год был указан Сенковским в «Энциклопедическом словаре». Греч высказывался в пользу 1792. Нельзя сомневаться, что такие сведения опирались на какие-то рассказы самого писателя. Любопытна, например, в романе В. Миклашевич «Село Михайловское» реплика Валерия Рузина (прототипом его послужил Александр Грибоедов): «Матушка мне считает восемнадцать лет, но я не верю женской хронологии, я думаю, что мне гораздо больше».

1790. Начиная с 1818 года, то есть со времени службы в Персидской миссии, в послужных списках Грибоедова указывается возраст, соответствующий 1790 году рождения. Так, в 1818 возраст его показан 28 лет, в 1819 — 29, в 1820 — 30, в 1829 — 39. В показаниях Следственному комитету Грибоедова годом рождения тоже указывался 1790 (последняя цифра может быть прочитана как 6). К этому следует присовокупить и давно обратившее на себя внимание замечание Грибоедова в его письме Бегичеву от 4 января 1825.: «Нынче день моего рождения, и что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники». За этим свидетельством стоит длительная традиция (несомненно, известная Грибоедову). Определение нормального срока человеческой жизни в 70 лет встречается и в Библии («Дней лет наших — семьдесят лет»), и у Геродота, и у Данте. Характерно, что 10 июня 1832 года Кюхельбекер также записал в своем дневнике: «Сегодня мне минуло 35 лет: итак, я уже ближе к старости, чем к молодости».

Подчеркнем, что дата рождения Грибоедова (которую он твердо помнил), 4 января, никогда не подвергалась сомнению. Это позволяет отвести 1792 и 1793 годы в качестве даты его рождения, так как сохранилась запись в консисторском списке метрической книги Московского Спаса Преображения на Песках (Пречистенского сорока) за 1792 год: «В доме Федора Михайловича Вельяминова, что стояща его отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова, родилась дочь Мария, крещена июля 4 дня, восприемником был бригадир Николай Яковлевич Тиньков, восприемница была надворного советника Ивана Никифоровича Грибоедова, жена его Прасковья Васильевна». Еще более интересна другая запись (из метрической книги церкви Успения на Остоженке за 1795 год): «Генваря 13 в доме девицы Прасковьи Ивановны Шушириной у живущего в ее доме секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел, крещен сего месяца 18 дня. Восприемником был генерал-майор Николай Яковлевич Тиньков».

Как можно объяснить столь крайние разноречия? Вполне очевидно, что данные послужных списков, составлявшихся со слов офицера и чиновника, не могут быть признаны точными. Грибоедов мог, искренно или в силу карьерных устремлений, считать себя старше и говорить об этом своим знакомым. Однако записи в исповедальных ведомостях (особенно первая из них) такую версию делает совершенно несостоятельной: пятилетнего ребенка священник не мог принять за десятилетнего. Гораздо серьезнее запись о рождении Павла Грибоедова — едва ли могла быть в ней двойная грубая ошибка: и в дате, и в имени. Следовательно, наиболее вероятной датой рождения Грибоедова мы должны признать 4 января 1794 года.

«Сто прапорщиков»

«Грибоедов, — считал Д. Смирнов, — собственно не принадлежал к заговору <...> уже потому не принадлежал, что не верил в счастливый успех его. “Сто человек прапорщиков, — часто говорил он, смеясь, — хотят изменить весь государственный быт России”. Но он знал о заговоре, может быть, даже сочувствовал желанию некоторых перемен...»

Та же фраза упоминается в записках Смирнова и второй раз — в следующем контексте:

«“Очень любопытно, Андрей Андреевич (Жандр) – начал я, – знать настоящую, действительную степень участия Грибоедова в заговоре 14 декабря”. — “Да какая степень? Полная”. — “Полная?” – произнес я не без удивления, зная, что Грибоедов сам же смеялся над заговором, говоря, что 100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России. — “Разумеется, полная. Если он и говорил о 100 человеках прапорщиках, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне”».

Зная действительные обстоятельства дела, Жандр не придает пресловутой фразе никакого «концептуального» значения. Кстати сказать, вопреки своему обыкновению, Смирнов не документирует, от кого он слышал о «ста прапорщиках». Думается, потому не документирует, что пользуется в данном случае не свидетельствами очевидцев, а слухами, в которых имя Грибоедова как автора звонкой фразы могло быть подставлено. В этом нас убеждает сатира А. Родзянко на свободолобцев (будущих декабристов) «Два века» (1822), в которой «прапорщик» упоминается в сходном контексте: «Где весит <т. е. взвешивает> прапорщик царей и царства мира, / Полн буйства и вина, взывает: “Други, дам / Я конституцию двумстам моим душам!”» В любом случае апокрифическая фраза о «ста прапорщиках» не может служить сколько-нибудь серьезным аргументом в решении проблемы «Грибоедов и декабристы». Нет никаких оснований сомневаться, что по тесным дружеским связям со многими декабристами Грибоедов знал о целях и деятельности тайных обществ. Такая осведомленность (и «недонесение властям») уже непременно служила для вынесения подследственному обвинительного приговора. Грибоедов же этого избежал по ряду хорошо известных причин. Он смог вовремя уничтожить все компрометирующие бумаги. Нельзя сомневаться в участии влиятельного члена Следственного комитета И. Паскевича к судьбе родственника. Главное же заключалось в том, что относительно Грибоедова следствием тщательно отработывалась лишь одна версия как о связном между тайными обществами и Ермоловым; она же оказалась недоказанной.

Зороастровская легенда

Самую удивительную легенду о Грибоедове обнародовал русский писатель Ю. Терапиано в своей книге об огнепоклонниках:

«Еще во время своего первого приезда в Персию Грибоедов обратил на себя внимание маздаистов; он был человеком исключительно одаренным в духовной области, и должен был во что бы то ни стало пойти этим путем. У себя на родине он уже принадлежал к духовному братству, но у нас люди редко доходят до Конечной цели в своих исканиях. Грибоедов был одним из тех людей, для которых связанность внешними обстоятельствами не может явиться препятствием, он легко бы нашел силу порвать со всем, если бы не особое обстоятельство. Грибоедов был связан внутренне: он хотел писать, хотел выразить то, что ему никак не удавалось. Блестяще образованный, умный и тонкий человек, он не был по-настоящему одарен в той области, в которой ему это более всего хотелось.

Но у нас есть особые способы: при помощи некоторых средств можно на время вызвать в человеке искусственную гениальность. Только одного нельзя сделать — удержать это состояние навсегда.

Грибоедов дал согласие на такой опыт — и видел во сне план своей будущей комедии, которая стала потом знаменитой в России. Но, написав ее, он окончательно исчерпал себя как писатель и больше не мог написать ничего такого же замечательного.

Несколько лет он еще колебался, но, наконец, понял свой путь. Даже любовь к жене его больше не удерживала. Он порвал цепи — и под другим именем долго еще жил в нашей среде, никем не тревожимый, никем не узнаваемый. В Персии, как вы знаете, легко осуществляются такие вещи, как подмена трупа. О мятеже знали заранее, и все было подготовлено. Изрубленное и нарочно изуродованное тело опознали потом по искалеченной руке — но дальше эта история для нас не имеет уже интереса».

Если такую историю не придумал сам писатель, а действительно записал ее в XX веке, это свидетельствует, что личность Грибоедова привлекла внимание зороастрийцев как отклик на его сочувственное и заинтересованное отношение к азербайджанскому народу. В любом случае нельзя не увидеть позднее происхождение такой легенды, экзотически преломившей обычный набор назойливо повторяющихся штампов в традиционном грибоедоведении (неорганичность «Горя от ума» для его творчества, чудесный сон, опознание трупа дипломата по искалеченной руке).